

Анализ художественного текста

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 249–259.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 3 (27). P. 249–259.

Научная статья

УДК 811.161.1; 821.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-249-259>

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО КАК ПРЕТЕКСТ РОМАНА-ЭПОПЕИ «ВОЙНА И МИР»

**Дмитрий Анатольевич
Романов ¹**

**Мария Александровна
Кучерова ²**

^{1,2} Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого

^{1,2} Тула, Россия

¹ kafirus@rambler.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

² merismus@mail.ru

² <https://orcid.org/0009-0009-2502-7481>

Аннотация. Статья посвящена исследованию наиболее важных аспектов внутренней рецепции, связывающих биографическую трилогию Л. Н. Толстого («Детство», «Отрочество», «Юность») и роман-эпопею «Война и мир». Доказывается, что «Война и мир» является не просто очередным этапом творческой эволюции, а масштабным продолжением и углублением антропологических и художественных открытий, сделанных в первом цикле крупных повестей писателя. Рефлексирующий ребенок Николенька Иртенев и ищущие своего места в мире герои Пьер Безухов и Андрей Болконский предстают звеньями единой цепи в антропологической концепции писателя. В работе прослеживается, как модель становления личности, впервые детально исследованная в относительно ограниченном пространстве трилогии (семья, знакомства из ближнего социального круга, университет), последовательно масштабируется до общенационального и исторического уровня в романе-эпопее. Конфликт между «естественным» и «искусственным», между свободой и принуждением, представленный в межличностных отношениях трилогии, становится в «Войне и мире» ключом к пониманию исторических процессов. Эволюция концепта «естественность» – от детской интуиции Николеньки через органичную целостность личности Наташи Ростовской к генетической простоте Платона Каратаева – демонстрирует движение художественного мира Толстого от индивидуального опыта к универсальным общечеловеческим принципам. Намеренный отказ от жанровых канонов в обоих произведениях воплощает новое для своего времени понимание человеческой природы как бесконечного развития, осуществляемого через постоянные моральные усилия. Научная новизна статьи заключается в принципиально ином, чем было принято ранее, ракурсе рассмотрения соотношения между трилогией и эпопеей Толстого как двух взаимодополняющих частей единой антропологической концепции. Таким образом, исследование подтверждает фундаментальное единство художественной системы Толстого и открывает новые перспективы для прочтения наследия великого писателя.

Ключевые слова: художественный текст, внутренняя рецепция, контекст, Л. Н. Толстой, биографическая трилогия, «Война и мир», «диалектика души», поэтика, творческая эволюция.

Для цитирования: Романов Д. А., Кучерова М. А. Биографическая трилогия Л. Н. Толстого как претекст романа-эпопеи «Война и мир» // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 3 (27). С. 249–259. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-249-259>

Сведения об авторе: Д. А. Романов – доктор филологических наук, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тула проспект Ленина, 125;
М. А. Кучерова – ассистент кафедры русского языка и литературы Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тула проспект Ленина, 125.

© Романов Д. А., Кучерова М. А. 2026

Scientific Article

UDC 811.161.1; 821.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-249-259>

LEO TOLSTOY'S BIOGRAPHICAL TRILOGY AS A PRETEXT FOR THE EPIC NOVEL «WAR AND PEACE»

Dmitry A. Romanov¹

Maria A. Kucherova²

^{1,2} Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

^{1,2} Tula, Russia

¹ kafrus@rambler.ru

¹ <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>;

² merismus@mail.ru

² <https://orcid.org/0009-0009-2502-7481>

Abstract. This article explores the most important aspects of internal reception that connect Leo Tolstoy's biographical trilogy ("Childhood," "Boyhood," and "Youth") and the epic novel "War and Peace." It argues that "War and Peace" represents not simply the next stage in the writer's creative evolution, but a far-reaching continuation and deepening of the anthropological and artistic discoveries made in the writer's first cycle of major stories. The reflective child Nikolenka Irtenyev and the heroes Pierre Bezukhov and Andrei Bolkonsky, searching for their place in the world, appear as links in a single chain within the writer's anthropological conception. The paper traces how the model of personality development, first explored in detail within the relatively limited space of the trilogy (family, acquaintances from the inner circle, university), is consistently scaled up to the national and historical level in the epic novel. The conflict between the "natural" and the "artificial," between freedom and constraint, presented in the trilogy's interpersonal relationships, becomes the key to understanding historical processes in War and Peace. The evolution of the concept of "naturalness" – from Nikolenka's childish intuition through Natasha Rostova's organic integrity to Platon Karataev's genetic simplicity – demonstrates the movement of Tolstoy's artistic world from individual experience to universal, human principles. The deliberate rejection of genre canons in both works embodies a new understanding of human nature as endless development, realized through constant moral effort. The scientific novelty of this article lies in its fundamentally different approach to examining the relationship between Tolstoy's trilogy and epic as two complementary parts of a single anthropological concept. Thus, this study confirms the fundamental unity of Tolstoy's artistic system and opens new perspectives for reading the great writer's legacy.

Keywords: artistic text, internal reception, context, L. N. Tolstoy, biographical trilogy, War and Peace, dialectic of the soul, poetics, creative evolution.

For citation: Romanov, DA, Kucherova MA 2026, 'Leo Tolstoy's Biographical Trilogy as a Pretext for the Epic Novel "War and Peace"', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (27), pp. 249–259, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-3-249-259> (in Russ.)

Information about the Author: Dmitry A. Romanov – Doctor of Philology, Head of the Center for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenina pr-t, Tula, 300026, Russia;

Maria A. Kucherova – Assistant Professor of the Department of Russian Language and Literature, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125 Lenina pr-t, Tula, 300026, Russia.

Введение

В современном толстоведении, несмотря на обширный корпус исследований, посвященных как раннему творчеству писателя, так и его самым известным произведениям, традиционно относящимся к «зрелому» периоду, сохраняется определенный методологический пробел. Он связан с художественной и особенно лингвопоэтической преемственностью текстов писателя, составляющих единую «творческую композицию» (термин Л. Я. Гинзбург). Биографическая трилогия традиционно рассматривается как этап ученичества, «проба пера», где лишь намечаются темы, мотивы, образы и приемы их воплощения, которые получают полное развитие в крупных жанрах – «Войне и мире», «Анне Карениной», «Воскресении». Такой взгляд, хотя и имплицитно, утверждает деление творчества Толстого на «раннее», «зрелое», и «постпереломное» (применительно к «Воскресению» и текстам 1880–1900-х гг.), оставляя в тени глубинное единство его антропологической и художественной системы. В настоящем исследовании предпринимается попытка преодоления такого разделения посредством анализа механизмов внутренней рецепции. Под «внутренней рецепцией» здесь понимается «комплекс субъективных начал», воплощенные в произведении автора (сюжеты, мотивы, темы, образы, стилистические приемы), которые целенаправленно заимствуются и творчески преобразуются этим же автором в процессе создания иного художественного произведения [1, с. 12–13]. Так, биографическая трилогия, выступающая в качестве претекста, и роман-эпопея рассматриваются не как произведения разных периодов творчества, а как две формы воплощения одного художественного замысла.

Вопросы преемственности между ранней и зрелой прозой Толстого, безусловно, входили в поле зрения ученых. К. Н. Ломунов [11], [10] отмечал единство этических и эстетических исканий писателя; работы Г. Я. Галаган [4] и Т. Л. Мотылевой [12] выводили эти проблемы в философский и общелитературный контекст. Однако концепция, рассматривающая «Войну и мир» как масштабирование и развитие антропологических моделей, заявленных в трилогии, до сих пор не была предложена.

Материалы и методы

Материалом для настоящего исследования послужили тексты повестей биографической трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» (1852–1857) и романа-эпопеи «Война и мир» (1863–1869). В качестве вспомогательного источника привлекаются научные труды отечественных и зарубежных толстоведов, обеспечивающие историко-литературный и теоретический контекст анализа.

Методологическая база исследования включает комплексный подход. Сопоставительный метод позволяет выявить пересечения в предметно-сюжетном мире произведений (система персонажей, ключевые мотивы) и проследить трансформацию концептов «естественность», «фальшь», «нравственный закон» при переходе из камерного пространства семьи в эпическое пространство истории. Интертекстуальный анализ направлен на обнаружение повторяющихся композиционно-сценарных моделей (восхищение ложным кумиром, испытание социальной средой, духовное прозрение). Структурный подход рассматривает трилогию и эпопею как компоненты единой художественной системы, где антропологические константы (становление личности, взаимовлияние индивида и среды) анализируются как инвариантные элементы, наполняемые различным содержанием.

Интерес исследователей к творчеству Л. Н. Толстого возник уже в XIX веке. Первые критические статьи, посвященные рассмотрению произведений писателя,

содержали наблюдения, которые впоследствии легли в основу научного анализа идиостиля Толстого (в частности, работа Н. Г. Чернышевского о «диалектике души» [19]). В XX веке сформировались различные подходы к изучению его наследия. В работах Н. К. Гудзия [6], М. Б. Храпченко [17], К. Н. Ломунова [9] биографическая трилогия традиционно рассматривалась как периферийное явление по отношению к романному жанру, как подготовительный этап перед созданием масштабных произведений. Некоторые вопросы идиостиля поднимались в работах Г. О. Винокура [3, с. 229–259]. При этом единство антропологической и художественной системы Толстого, вопросы лингвопоэтической и сюжетно-композиционной преемственности между «ранними» и «зрелыми» произведениями, оставались в тени.

Цель настоящего исследования – доказать, что биографическая трилогия является не только первым опытом создания большого эпического произведения, но и художественным фундаментом всего последующего творчества Толстого, а «Война и мир» представляет собой не просто новый этап эволюции, а масштабирование и углубление антропологических открытий, сделанных в трилогии. Научная новизна исследования заключается в принципиально ином, чем было принято ранее, ракурсе рассмотрения соотношения между трилогией и эпопеей. В отличие от традиционной интерпретации, согласно которой «Детство», «Отрочество» и «Юность» рассматриваются как «подготовительный материал», в настоящем исследовании оба произведения представлены как две взаимодополняющие части единой антропологической концепции Толстого. Впервые внутренняя рецепция анализируется не как совокупность заимствований, а как системообразующий механизм, посредством которого камерные психологические модели (становление ребёнка, конфликт с воспитателем, разочарование в светском идеале) последовательно масштабируются до уровня общефилософских обобщений. Такой подход позволяет преодолеть устоявшееся деление творчества Толстого на «ранний» и «зрелый» периоды и представить его художественный мир как органичное целое.

В качестве методологической базы исследования выступает комплексный подход к рассмотрению художественного произведения. Применение сопоставительного метода позволяет выявить пересечения в предметно-сюжетном мире произведений (в частности, в системе персонажей), а также обнаружить трансформацию ключевых мотивов и концептов («естественность», «фальшь», «нравственный закон») при их переходе из камерного пространства семьи в эпическое пространство истории. В рамках интертекстуального анализа выявляются повторяющиеся композиционно-сценарные модели (восхищение «ложным кумиром», испытание условностями социальной среды, духовное прозрение).

Кроме того, в исследовании задействуется структурный подход, в русле которого трилогия и эпопея рассматриваются как компоненты единой художественной системы, а ключевые антропологические константы (становление личности, взаимодействие индивида и среды, экзистенциальный поиск) анализируются как структурные элементы, наполняемые различным конкретным содержанием в каждом тексте.

Результаты

Толстой не просто изображает внутренний мир человека, но создает универсальную модель работы индивидуального сознания, основанную на постоянной рефлексии. Эта модель, отработанная на материале детского, отроческого и юношеского сознания в трилогии, становится основным способом изображения личности в «Войне и мире». Толстовская «диалектика души», как известно, представляет собой художественную систему, предполагающую «текучесть психики», «нелиней-

ность и многослойность в изображении чувств и мыслей героя», которые показываются в процессе их становления и часто – противоборства, а также учёт прошлого опыта, который нередко присутствует в настоящем, влияя на решения и систему оценок героя [20, с. 121–125].

В трилогии «диалектика души» предстает в своей «чистой» форме. «С точки зрения содержательной вся трилогия представляет собой попытку воссоздать духовное преображение Николеньки» [19, с. 334]: происходящие события даются через призму его восприятия, а соответственно, содержание произведения становится богатейшим материалом для рассмотрения закономерностей и хронологии развития чувств, формирования моральных оценок. «Тяга к самоанализу в сочетании с морально-нравственным императивом... рождает внутреннее беспокойство, сомнения, строгое осуждение себя за проступки» [5, с. 6], что и становится впоследствии едва ли не важнейшей характеристикой центральных героев Толстого, стремившегося воплотить в творчестве «мысль о громадных духовных возможностях человека, рожденного для движения, для нравственного и духовного роста» [13, с. 485].

Уже в первой главе повести «Детство» задается тон, ориентированный на незамедлительную фиксацию каждого, даже самого тонкого изменения. мгновенную, почти сиюминутную трансформацию чувств ребенка. Именно в этом тоне и будет написана вся трилогия. Так, например, когда Карл Иванович будит Николеньку, мальчик сперва испытывает раздражение и мысленно грубит гувернеру, однако тут же заботливость Карла Ивановича заставляет ребенка устыдиться первоначального чувства: *«Какой он добрый и как нас любит, а я мог так дурно о нем думать!»* [16, с. 12].

Показательным в этом отношении становится и тот фрагмент, где повествуется о «ссоре» с Натальей Савишной, которая, по мнению Николеньки, относится к нему с пренебрежением, однако ее непосредственная сердечность вызывает в ребенке чувство стыда за свое высокомерие: *«У меня недоставало сил взглянуть в лицо доброй старушке; я, отвернувшись, принял подарок, и слезы потекли еще обильнее, но уже не от злости, а от любви и стыда»* [16, с. 42]. Таким образом, Толстой показывает, что нравственное чувство не приходит извне, а рождается изнутри, через самоанализ, борение чувств обиды и любви, эгоизма и привязанности. Отсюда прочно вошедшая в лингвопоэтику Толстого форма внутренней речи героя, опробованная в биографической трилогии и многократно повторенная в «Войне и мире». В. А. Ковалев, анализируя функционирование внутренней речи героев в произведениях Толстого, приходит к выводу, что писатель создает особый тип повествования, где «мысль героя становится сюжетообразующим фактором», а «диалектика души» раскрывается не в поступках, а в их рефлексивной оценке [8, с. 10]. Этот вывод подтверждается приведенными выше примерами.

Говоря о персонажах романа-эпопеи, следует в первую очередь обратить внимание на образ Пьера Безухова, наследующего от Николеньки глубокое самонаблюдение, но применяющего его уже не только к собственной жизни, но и к глобальным вопросам бытия. Его внутренние монологи – это та же «диалектика души», но их темой становится не сиюминутное личное переживание, а поиск смысла жизни. Так, во внутренних монологах Пьера неоднократно риторические вопросы: *«Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всем?»* [15, т. 2, с. 435], воплощающие стремление к познанию действительности. И эти вопросы в романе-

эпопее даются уже не в «камерном», а в онтологическом масштабе. Путь экзистенциальных исканий Пьера Безухова – это цепь духовных кризисов и прозрений: женитьба на Элен, дуэль с Долоховым, плен, встреча с Платоном Каратаевым. Каждый из этих объемных композиционных фрагментов романа-эпопеи построен по тем же психологическим принципам и включают те же лингвопоэтические приемы, что и этапы самоопределения Николеньки Иртеньева в трилогии.

Рефлексия князя Андрея Болконского носит иной характер и показывает, как «диалектика души» приобретает формы бескомпромиссного самоанализа. Наблюдения князя Андрея над собой не менее интенсивны, но лишены детской непосредственности, свойственной Пьеру. Как и герой «Юности», жестоко разочаровавшийся в идеале «комильфо», князь Андрей разочаровывается последовательно в светских правилах, в Наполеоне, в воинской службе, в реформаторской деятельности. Мироощущение князя Андрея после Аустерлица (*«Как тихо, спокойно и торжественно...»* [15, т. 1, с. 351]) представляет собой высшее нравственное прозрение, аналогичное катарсису Николеньки в финале повести «Юность», но только заостренное через потенциальную близость к смерти.

Внутренние монологи Пьера Безухова и Андрея Болконского в художественном отношении не открытие «Войны и мира», а наследование и масштабирование созданной в трилогии нарративной стратегии. Открытый Толстым принцип работы нравственного сознания един для любого мыслящего человека, будь то чуткий ребенок, задумывающийся о своей судьбе юноша или рефлексирующий офицер.

Упомянутый выше мотив разочарования в кумире также является одним из сюжетных воплощений «диалектики души»: герой создает идеализированный образ и стремится ему соответствовать, но, сталкиваясь с его реальным воплощением, через духовный кризис приходит к отрицанию бывшего идеала и более глубокому пониманию самого себя. Так, в трилогии Николенька рисует блестящий отвлеченный образ молодого человека круга *«comme il faut»*, который соответствовал всем светским условностям, «привитых воспитанием и обществом». Попытки Николеньки воплотить этот идеал в жизнь (во время светских визитов, в университете, в общении с семьей Нехлюдовых) неизменно приводят к ощущению искусственности своего поведения. В финале «Юности» герой понимает, что этот идеал пуст и не имеет отношения к подлинным доброте и искренности, диктуемым ему внутренним «нравственным законом». Как следствие, Николенька отказывается от заданных светским обществом идеалов и начинает экзистенциальный поиск: *«Я... вдруг вскочил, взбежал на верх, достал тетрадь, на которой написано было: «Правила жизни», открыл ее, и на меня нашла минута раскаяния и морального порыва. Я заплакал, но уже не слезами отчаяния. Оправившись, я решил снова писать правила жизни и твердо был убежден, что я уже никогда не буду делать ничего дурного, ни одной минуты не проведу праздно и никогда не изменю своим правилам...»* [16, с. 276].

Подобно Николеньке, видевшем в представителях общества *«comme il faut»* свой идеал, Андрей Болконский в начале романа считает Наполеона «великой личностью», признавая в нем эталон героической славы, которая как будто должна придать смысл его жизни. Хрестоматийной стала сцена после Аустерлицкого сражения, когда Наполеон, преследуемый мелким тщеславием, объезжает поле боя, разглядывая раненых и давая малодушные оценки смерти того или иного солдата. Князь Андрей убеждается в том, что для Наполеона важна только «поза», не имеющая отношения к образу великого человека: *«Ему так ничтожны казались в эту*

минуту все интересы, занимавшие Наполеона...» [15, т. 1, с. 364]. Более полутора веков толстовская метафора – «высокое небо Аустерлица» – продолжает оставаться в мировой литературе символом истинного, вечного бытия, на фоне которого честолюбивые мечты кажутся мелкими и ложными. Прозрение князя Андрея, безусловно, типологически вырастает из разочарования Николеньки: то же крушение внешнего, навязанного идеала и открытие подлинных ценностей.

Еще одной точкой сопряжения трилогии и романа-эпопеи становятся модели формирования личности, исследованные Толстым сначала в масштабе семьи, а затем в хронотопе истории. В обоих произведениях действует локальная и глобальная «воспитательные системы», включающие человека в общественную систему координат. Отношения «воспитатель – ребенок» и «властитель – подчиненный» при всей безыскусности и традиционности тем не менее определяют и судьбу конкретного человека, и судьбы народов.

Система воспитания, реализующаяся St.-Jérôme в трилогии Толстого, основана на формальном принуждении, на строгом соответствии социальным условностям и направлена не на развитие внутреннего нравственного чувства, а на подчинение старшим и демонстрацию благопристойности. Используя в отношении ученика наказания – как физические (стояние в углу, лишение развлечений), так и психологические (унижение, угрозы), гувернер делает акцент прежде всего на формальные успехи своего подопечного (отметки, оценки влиятельных людей), а не на нравственные качества его личности и действительные знания и умения. Так, например, запираение воспитанника в чулане – не педагогическая мера, а способ утверждения власти над ним, где главное – сломить волю ребенка. В результате Николенька переживает не раскаяние, а «злое отчаяние». Толстой показывает, что такой метод воспитания порождает не исправление, а внутренний протест и закрепляет в сознании героя модель поведения, в которой сильный всегда прав.

В романе-эпопее описанная педагогическая модель получает глобальное, эпическое измерение. «Великие люди», политики, полководцы пытаются воспитывать народы, навязывая им свою волю посредством коллективного насилия, проявляющегося в противных «внутреннему нравственному закону» формах. Так, война, «сугубо политический феномен» [2, с. 196], как результат реализации губительных для человечества политических стратегий, представляется в произведении явлением, сеющим раздор и разобщающим людей. Толстой изображает армии как чуждые человеческому естеству сообщества, в которых люди становятся лишь винтиками политических машин, лишёнными индивидуальности и чувств. В этом отношении планы Наполеона по завоеванию мира воспринимаются высшей формой воплощения «сенжеромовского» принципа воспитания: разум и железная воля управляют не только отдельными людьми, но и историей.

Критикуя «педагогику насилия», Толстой, «бросивший вызов всемогущему авторитету» [14, с. 99], показывает, что история, как и душа ребенка, развивается по своим стихийным, «роевым» законам. Бородинское сражение – это апофеоз сопротивления живой, народной стихии наполеоновской «педагогике» завоевания: народ, обладающий «скрытой теплотой патриотизма» [15, т. 3, с. 218] и «чистотой нравственного чувства» [19, с. 764], «воспитывается» не указами, а совместными страданиями, созидательным трудом и интуитивным пониманием справедливости. Человек и общество в целом, по Толстому, должны жить «умом сердца», а не «умом ума».

Эта мысль из повестей середины 1850-х гг. получила целостное художественное воплощение в эпопее второй половины 1860-х гг.

«Роевой» закон истории, противопоставленный индивидуальному произволу, корнями уходит в постоянно актуализирующийся Толстым «нравственный закон», основанный на принципе «естественности» как высшей духовной ценности. Концепт «Естественность» проходит у Толстого эволюцию от наивного детского устремления к онтологическому принципу бытия. Эта линия развития — от интуитивных «моральных порывов» ребенка Николеньки Иртеньева к органичной целостности личности Наташи Ростовой и абсолютной простоте народного философа Платона Каратаева — представляет этический стержень целостной антропологической концепции Толстого.

Так, Николенька познает нравственные истины не через усвоение правил, а через непосредственное чувствование. Его привязанность к простым и искренним Карлу Ивановичу и Наталье Савишне — это в определенном смысле узнавание «своего», родного, подлинного, естественного. В то же время он уже в детстве чувствует фальшь светских ритуалов («...княжна занимала меня разговором весьма свободно... Но уж слишком заметно было, что она занимает меня, и поэтому она мне не понравилась» [16, с. 197]). Юношеское разочарование в идеале «комильфо» становится важнейшим прозрением героя, обретающего навыки различения подлинности и искусственности.

Наташа Ростова становится воплощением той правды и естественности, которые Николенька лишь смутно ощущает как идеал. Ее жизнь является доказательством возможности сохранить «природное», непосредственное в человеке во «взрослом», полном социальных условностей цивилизованном мире. Наташа не анализирует свои поступки, как, например, князь Андрей или Пьер Безухов, ее поведению свойственны интуитивность и спонтанность. Особенно отчетливо это проявляется в широко известной сцене пляски у дядюшки, когда вопреки дворянскому воспитанию, генетически заложенная в Наташе близость к природе и народу вырывается наружу. И хотя поведение Наташи нередко оценивается представителями высшего света как недопустимое по этикетным нормам, в оценке Толстого оно всегда правильное с точки зрения высшей правды искреннего человеческого чувства.

Важнейшим звеном обозначенной этической цепи является образ Платона Каратаева, для которого естественность — не только и не столько свойство характера, сколько форма существования. Он живет в гармонии с миром, принимает его законы, и вся его жизнь в целом подчинена природным циклам — смене времен года, дня и ночи, движению от рождения к смерти: «Он любил и любовно жил со всем, с чем его сводила жизнь...» [15, т. 4, с. 464]. Платон Каратаев в наибольшей степени концентрирует стихийно-народное, «роевое» начало, являющееся для Толстого высшим воплощением правды и простоты, к которой бессознательно стремился Николенька Иртеньев.

Помимо прочего, оба произведения — биографическая трилогия и роман-эпопея — большинством исследователей относятся к жанру романа воспитания, что является справедливым лишь отчасти, поскольку Толстой подвергает критике классическую схему его сюжетного развертывания (незрелость — испытания и ошибки — получение опыта — обретение места в обществе — завершение становления личности), демонстрируя ее несоответствие действительной природе человеческого развития, которое не останавливается, не завершается. Уже в финале «Юности»

намечается идеал, согласно которому ценностью становится не обладание некой истиной, а процесс ее поиска.

Принципу «незавершенности» развития личности подчиняется и первая часть эпилога «Войны и мира». Так, вступая в тайное общество, Пьер Безухов продолжает духовные поиски в социально-политической сфере. Николай Ростов заботится о своих крестьянах и активно участвует в общественной жизни, что «определяет дальнейший путь его развития» [7, с. 66]. Княжна Марья, занимаясь воспитанием детей, вступает на путь реализации себя в качестве воспитателя, наставника, педагога. В мечтах о подвиге, которым предается юный Николай Болконский, воплощается завязка цикла предстоящих духовных исканий. Толстой намеренно обрывает повествование в момент напряжения внутренних противоречий героев, демонстрируя таким способом бесконечность самоопределения личности.

Выводы

Изучение механизмов внутренней рецепции текстов Л. Н. Толстого раскрывает глубинные связи между биографической трилогией и романом-эпопеей «Война и мир». Такой подход позволяет расширить рамки традиционного восприятия творчества Л. Н. Толстого и способствует более целостному пониманию художественного мира автора. В относительно ограниченном пространстве трилогии концентрируются те ключевые принципы толстовской антропологической концепции, которые, переходя в эпическое пространство «Войны и мира», находят более масштабное художественное воплощение.

Таким образом, трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» и роман-эпопея «Война и мир» предстают не как относительно изолированные этапы творческой эволюции, а как взаимодополняющие репрезентации единой художественно-этической системы. Эпическое измерение романа выводит многие мысли, заявленные в трилогии, на новый уровень обобщения, демонстрируя при этом универсальность нравственного самоопределения личности в художественном мире Льва Толстого.

Список источников и литературы

1. Безруков А. Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход: монография. Wrocław: Фонд «Русско-польский институт», 2015. 300 с.
2. Белозёров В. К. Генезис исследования войны как политического феномена в дореволюционной России. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.1.17 // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 1. С. 190–200.
3. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
4. Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой. Художественно-этические искания / отв. ред. Б. И. Бурсов. Л.: Наука, 1981. 176 с.
5. Городилова Н. И. Эпическая картина мира в трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.1 // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 9. С. 5–12.
6. Гудзий Н. К. Лев Толстой: критико-биограф. очерк. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Гослитиздат, 1960. 213 с.
7. Касавина Н. А. О связности, ее свернутости и развернутости (к обсуждению логико-смысловой концепции сознания) // Философский журнал. 2022. Т. 15, № 4. С. 61–68.
8. Ковалев В. А. Поэтика Льва Толстого: Истоки. Традиции. М.: Изд-во МГУ, 1983. 177 с.
9. Ломунов К. Н. Жизнь Льва Толстого. М.: Худож. лит., 1981. 255 с.
10. Ломунов К. Н. Лев Толстой в современном мире. М.: Современник, 1975. 493 с.

11. Ломунов К. Н. Эстетика Льва Толстого. М.: Современник, 1972. 480 с.
12. Мотылева Т. Л. О мировом значении Л. Н. Толстого. М.: Сов. писатель, 1957. 726 с.
13. Опульская Л. Д. Первая книга Льва Толстого // Л. Н. Толстой. Детство. Отрочество. Юность. М.: Наука, 1978. С. 479–508.
14. Сергеева В. С. Британская рецепция творчества Л. Н. Толстого в преддверии «русского бума» 1910-х. DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-4-88-107 // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 4. С. 88–107.
15. Толстой Л. Н. Война и мир: в 4 т. М.: Правда, 1974.
16. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Т. 1: 1850–1856. М.: Наука, 2000. 514 с.
17. Храпченко М. Б. Лев Толстой как художник. 3-е изд. М.: Худож. лит., 1971. 528 с.
18. Цирулев А. Ф. Проблема автобиографизма в трилогии Л. Н. Толстого // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 3 (1). С. 331–336.
19. Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. М.: Правда, 1974. 464 с.
20. Чуприна И. В. Трилогия Л. Толстого «Детство», «Отрочество» и «Юность». Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1961. 194 с.

References

1. Bezrukov, AN 2025, *Retseptsiya khudozhestvennogo teksta: funktsional'nyy podkhod* (Reception of artistic text: a functional approach), Vroclav. (In Russ.).
2. Belozarov, VK 2021, 'Genezis issledovaniya voyny kak politicheskogo fenomena v dorevolutsionnoy Rossii' (Genesis of the study of war as a political phenomenon in pre-revolutionary Russia), *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Volgograd State University), vol. 26, no. 1, pp. 190–200. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.1.17. (In Russ.).
3. Vinokur, GO 1959, *Izbrannyye raboty po russkomu yazyku* (Selected works on the Russian language), Ministerstvo Prosveshcheniya RSFSR publ., Moscow, pp. 229–259. (In Russ.).
4. Galagan, GYa 1981, *L. N. Tolstoy. Khudozhestvenno-eticheskiye iskaniya* (L. N. Tolstoy. Artistic and ethical quest), Nauka publ., Leningrad. (In Russ.).
5. Gorodilova, NI 2020, 'Epicheskaya kartina mira v trilogii L. N. Tolstogo "Detstvo", "Otrochestvo", "Yunost'" (Epic picture of the world in L. N. Tolstoy's trilogy "Childhood", "Adolescence", "Youth"), *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philological Sciences. Questions of theory and practice), vol. 13, no. 9. pp. 5–12. DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.1. (In Russ.).
6. Gudziy, NK 1960, *Lev Tolstoy* (Leo Tolstoy), Khudozhestvennaya literatura publ., Moscow. (In Russ.).
7. Kasavina, NA 2022, 'O svyaznosti, yeye svernutosti i razvernutosti (k obsuzhdeniyu logiko-smyslovoy kontseptsii soznaniya)' (About connectivity, its folding and unfolding (towards a discussion of the logical-semantic concept of consciousness)), *Filosofskiy zhurnal* (Philosophical Journal), vol. 15, no. 4, pp. 61–68. (In Russ.).
8. Kovalev, VA 1983, *Poetika L'va Tolstogo* (Poetics of Leo Tolstoy), MGU publ., Moscow. (In Russ.).
9. Lomunov, KN 1981, *Znizn' L'va Tolstogo* (The Life of Leo Tolstoy), Khudozhestvennaya literatura publ., Moscow. (In Russ.).
10. Lomunov, KN 1975, *Lev Tolstoy v sovremennom mire* (Leo Tolstoy in the modern world), Sovremennik publ., Moscow. (In Russ.).
11. Lomunov, KN 1972, *Estetika L'va Tolstogo* (Aesthetics of Leo Tolstoy), Sovremennik publ., Moscow. (In Russ.).
12. Motyleva, TL 1957, *O mirovom znachenii L. N. Tolstogo* (On the global significance of L. N. Tolstoy), Sovetskiy pisatel' publ., Moscow. (In Russ.).
13. Opu'skaya, LD 1978, 'Pervaya kniga L'va Tolstogo' (The first book of Leo Tolstoy), *L. N. Tolstoy. Detstvo. Otrochestvo. Yunost'* (L. N. Tolstoy. Childhood. Adolescence. Youth), Nauka publ., Moscow, pp. 479–508. (In Russ.).
14. Sergeyeva, VS 2023, 'Britanskaya retseptsiya tvorchestva L. N. Tolstogo v preddverii "russkogo buma" 1910-h' (British reception of the work of L. N. Tolstoy on the eve of the "Russian

- boom” of the 1910s), *Studia Litterarum* (Studia Litterarum), vol. 8, no. 4, pp. 88–107. DOI: 10.22455/2500-4247-2023-8-4-88-107. (In Russ.).
15. Tolstoy, LN 1974, *Voyna i mir* (War and Peace), Pravda publ., Moscow. (In Russ.).
 16. Tolstoy LN 2000, *Polnoye sobraniye sochineniy v 100 t. Khudozhestvenn-yye proizvedeniya v 18 t.* (Complete works in 100 volumes. Works of art in 18 volumes), vol. 1. 1850–1856, Nauka publ., Moscow. (In Russ.).
 17. Khrapchenko, MB 1971, *Lev Tolstoy kak khudozhnik* (Leo Tolstoy as an artist), Khudozhestvennaya literature publ., Moscow. (In Russ.).
 18. Tsirulev, AF 2011, ‘Problema avtobiografizma v trilogii L. N. Tolstogo’ (The problem of autobiography in the trilogy of L. N. Tolstoy), *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* (Bulletin of the Nizhny Novgorod University by N. I. Lobachevsky), no. 3, pp. 331–336. (In Russ.).
 19. Chernyshevskiy, NG 1974, *Sobraniye sochineniy v 5 tomakh* (Collected works in 5 volumes), vol. 3, Pravda publ., Moscow. (In Russ.).
 20. Chuprina, IV 1961, *Trilogiya L. Tolstogo. “Detstvo”, “Otrochestvo” i “Yunost”* (Trilogy of L. Tolstoy. “Childhood”, “Adolescence” and “Youth”), Saratovskiy universitet publ., Saratov. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 20.07.2026
Одобрена после рецензирования: 27.08.2026
Принята к публикации: 21.09.2026

The article was submitted: 20.07.2026
Approved after reviewing: 27.08.2026
Accepted for publication: 21.09.2026